

Сяо Юй был человеком, с которым лучше не связываться. Услышав, что его возлюбленный сказал, что ему нравится его лицо, он чуть не взлетел от счастья. Его кости словно стали легче, и он едва сдерживал себя, чтобы не закружиться на месте.

— Ты... ты правда так думаешь? На самом деле... я не только лицом хорош, есть и другие достоинства... — он кашлянул, пытаясь скрыть смущение. — Например... хотя тебе, наверное, всё равно, но я всё же Князь-Генерал династии Цин, и моё жалование немалое, хватит на содержание большой семьи. И ещё... ты, наверное, не поверишь, но я... я тоже умею заботиться о других, не хуже кого-либо... просто... я только читал об этом, но на практике не пробовал... так что... так что...

«Так что» так и не было сказано. Уши Сяо Юя снова покраснели, и он, стгорая от стыда, не смог продолжить. Он сделал глоток чая, пытаясь сохранить видимость спокойствия, ожидая, что его собеседник поймёт то, что он не смог выразить словами.

Если подвести итог, слова Сяо Юя сводились к следующему: «Князь-Генерал» — я занимаю высокий пост, зарабатываю много денег, могу содержать целую семью, и тебе не обязательно работать художником.

«Умею заботиться» — я бы очень о тебе заботился, но если ты не хочешь этой заботы, то всё бесполезно. Забота, копившаяся больше десяти лет, слишком тяжела, я не справился и причинил тебе боль — это моя вина, и твой страх передо мной оправдан.

«Только читал об этом» — прочёл целую корзину любовных романов, но до дела они ничем не помогли, когда дошло до настоящего, всё равно оказался неумехой. Хотел как лучше, а получилось плохо — опять моя вина. В книгах пишут, что это не очень больно и даже приятно, если делать это чаще, но на деле всё оказалось не так. Единственный раз близости не принёс радости никому.

«На практике не пробовал» — действительно не пробовал. Решил, что такое можно делать только с любимым человеком, вот и оставался неопытным всё это время. Когда становилось невмоготу, помогал себе рукой, чтобы хоть немного утолить жажду. По сути, так и остался полным невеждой, который ни разу не пробовал. Обязательно буду усердно учиться, чтобы поскорее стать искусным и не причинять тебе боли...

«Так что» — так что дай же мне шанс! Давай попробуем ещё раз. Целоваться я уже научился, прикосновениям тоже. Может, и в этом деле чем больше практики, тем лучше получается? Когда научишься, уже не будет больно. В книгах говорят, что, освоившись, не только не больно, но и очень приятно, может, даже до зависимости доведёт. Короче говоря, очень надеюсь, что ты перестанешь смотреть на меня как на вора.

Ляо Цюли понял лишь половину сказанного. Части про «князя-генерала» и «умение заботиться» он уловил — молокосос хвастается своей властью, заработками и умением тратить! А что означали «только читал об этом» и «на практике не пробовал», художник и понятия не имел. Поэтому он совершенно не понимал, отчего на лице собеседника смешались стыд и надежда.

— Посмотри на этого большогоголового малыша внизу, довольно забавно, — сказал Ляо Цюли невпопад. Сяо Юй же был склонен всё усложнять, и любое неосторожное слово могло навести его на неверные мысли. Боясь, что тот заикнется на этом, художник насильно перевёл разговор на ряженных клоунов на улице.

Тот не ответил. Он встал и пересел с противоположной стороны прямо рядом с Ляо Цюли, придвинувшись так близко, что их плечи почти соприкасались. А потом ещё и наклонился вперёд, пододвигая своё коварно-соблазнительное лицо всё ближе и ближе. Ляо Цюли отвернулся влево, делая вид, что не замечает его внезапной фамильярности. Тот приблизился вплотную к его щеке, их носы вот-вот должны были столкнуться. За спиной была стена, отступать некуда. Ляо Цюли поспешно закрыл глаза, не смея смотреть на лицо в миллиметрах от своего. Он, как и все люди в этом мире, любил красивые вещи и испытывал к ним восхищение, но никогда не стремился завладеть ими. Слишком ослепительные вещи трудно удержать, а попытка удержать часто приносит боль и себе, и другим. Намного лучше любоваться издалека — и глаз радуется, и сердце не разбивается.

— Цинчжи... позволь мне поцеловать... — Сяо Юй ждал этого больше десяти лет. Наконец-то он дождался, когда тот, кого любил, произнесёт «нравится». Хоть и только его лицо, но и на том спасибо. Раз понравилось лицо, можно постепенно приучить его любить и остальное. Упустить такой удобный случай для выгоды было бы непростительно по отношению к себе!

— Я сказал это без задней мысли, это не то, что ты подумал! — запаниковал Ляо Цюли. В панике он забыл, что некоторые вещи нельзя объяснять — чем больше объясняешь, тем больше запутываешь. Говоришь «без задней мысли» — это же чистейшая «отмазка»! По-настоящему невинный человек никогда не станет так спешно оправдываться, можно просто оставить всё как есть. Пройдёт неделя-другая, и даже самый тупой поймёт, что это была просто случайная фраза, не стоящая внимания. А вот если сразу начинаешь защищаться — сам ищешь неприятностей!

Сяо Юй был умным человеком, а в некоторых вопросах и вовсе хитёр как лиса. Он умел слышать скрытый смысл, поэтому решил, что Ляо Цюли на самом деле согласен, просто стесняется признаться. Он улыбнулся. Улыбка его была поистине пленительной. Ляо Цюли замер, очарованный, глядя в приблизившиеся вплотную глаза — светло-карие, с лёгким золотистым ободком, с яркими искорками в глубине. Зрачки сузились, как у кошки, совсем как у тех котов, что видел весной, когда у них был гон...

На мгновение его сознание помутилось. Губы Сяо Юя, подобно стрекозе, коснулись его губ и тут же отпрянули. Сделавший это уселся прямо, отвернулся и весь ушёл в своё смущение. Ругать его? Да он и сам краснеешь от стыда! Обругать? Да он и сам готов умереть от стыда! Сгорая от стыда, он пробормотал:

— Я выйду на минутку, попрошу подлить чаю.

И с этими словами стремительно ретировался, не оставив Ляо Цюли даже шанса его обругать!

Они сидели в самом лучшем и дорогом кабинете. Чтобы попросить добавить чаю, не нужно было выходить — достаточно было дёрнуть за колокольчик, и слуга тут же появлялся, готовый услужить по первому требованию. Слова «выйду, попрошу добавить чаю» были просто отговоркой, чтобы сбежать. Или, вернее, предлогом для побега. Кот в состоянии гона, впервые добившийся своего, был переполнен радостью, кипевшей в нём, как бурлящая вода, и не мог усидеть на месте — обязательно нужно было выйти и немного остыть.

К счастью, он ушёл. Иначе Ляо Цюли, у которого тоже в голове всё перепуталось, остался бы сидеть с ним лицом к лицу, и неизвестно, как бы они тогда поступили.

Сяо Юй отсутствовал целых полчаса и вернулся только к началу обеда, слегка кашлянув перед тем, как открыть дверь.

— Я заказал столик в Тяньцзюйхэ, время подходит, пойдём? — сказал он тому, кто был внутри.

Место было заранее зарезервировано, и за него уже внесли задаток. Если не прийти, задаток оставался заведению. Не желая, чтобы деньги пропали зря, Ляо Цюли согласился. Они спустились вниз, перешли улицу, сделали ещё десяток шагов и вошли в ворота Тяньцзюйхэ. Управляющий, увидев щедрого гостя, с неописуемым подобострастием и теплотой подошёл и поклонился.

— Приветствую, Ваше Высочество Князь Су! Отдельный кабинет для вас уже давно готов. Блюда будут как обычно или...

— Принесите несколько фирменных, а из Вэньмэйчжай закажите несколько блюд хуайянской кухни. Жареные львиные головы обязательны, тушёную редьку с гребешками тоже. Остальное — на ваше усмотрение.

Хуайянская кухня была выбрана с учётом вкусов Ляо Цюля. Блюда шаньдунской кухни, хотя и не такие острые, как сычуаньские, всё же были довольно пряными и отличались от лёгких и слегка сладковатых хуайянских блюд. Сяо Юй боялся, что его спутнику будет не по вкусу, поэтому решил заказать несколько фирменных блюд из настоящего хуайянского ресторана. Как-никак он пригласил человека, и если тот не только не получит удовольствия от прогулки, но ещё и останется голодным, то в следующий раз может и не согласиться выйти вместе!

— Не нужно так стараться, шаньдунская кухня вполне хороша. Кроме острого, всё остальное мне подходит, не нужно специально...

— Обед должен быть приятным. Я и сам хочу попробовать хуайянскую кухню, это не специально для тебя.

Опять враньё! Человек, который годами морщился при виде сладкого, теперь говорит, что хочет попробовать хуайянскую кухню!

— Ты ещё кого-то пригласил?

— Нет, только ты и я.

— Всего двое, а заказали столько еды, это же расточительство!

— Съедем! Хуайянская кухня изысканна, порции маленькие, даже птицу не накормишь!

Спорить с ним было бесполезно. Пусть делает что хочет. Если не доедим, пусть забирает остатки домой и доедает там!

К еде полагалось вино. Какое же вино они пили? Виноградное. Сяо Юй подготовился заранее — перед выходом он велел подчинённым отнести вино в Тяньцзюйхэ. К началу обеда вино как раз отстоялось и было готово к подаче.

<http://bllate.org/book/15507/1377454>